

В.Г. Швыдко

Три года премьерства Кисида Фумио: «новый капитализм» и преемственность экономического курса

Аннотация. В статье рассматриваются итоги трехлетнего пребывания на посту премьер-министра Японии Кисида Фумио с точки зрения практики и идейного сопровождения экономической политики возглавлявшихся им кабинетов министров. Анализируется теоретическая концепция «новой формы капитализма», положенная Ф. Кисидой в основу своего политического имиджа, и ее связь с практической политикой. Отмечается, что между идеологической составляющей данной концепции и текущими мерами экономической политики имеется существенный зазор. Акцент на повышение в структуре доходов доли труда как фактора производства, на инклюзивность экономической системы и значение распределительных отношений не сопровождался крупными изменениями в налоговой и бюджетной системах, трудовых отношениях и отношениях между государством и бизнесом. Роль движущей силы социально-экономических изменений фактически отводилась прогрессу технологии и эволюции общественных практик, что подтверждает характер Либерально-демократической партии как политической силы, опирающейся на консервативный консенсус и не склонной к радикальным шагам и решительным институциональным преобразованиям.

Статья характеризует практическую экономическую политику кабинетов Ф. Кисида как преемственную по отношению к линии второй половины 2010-х гг., в частности комплексу взглядов и мер, связанных с именем тогдашнего лидера ЛДП премьера Абэ Синдзо («абэномика»). Отмечается, что преемственность была характерна для основных моментов налогово-бюджетной, денежно-кредитной и институциональной политики правящих кабинетов. При этом результативность выдерживаемой линии оказалась выше, чем у кабинетов предшественников.

В период премьерства Кисида оформился и ряд новых моментов в экономических подходах правительства. Вместе с тем отмечается, что большей частью они выражались в перемене приоритетов в рамках традиционной линии либо в ее новом идейно-концептуальном оформлении. Новым сущностным моментам пока не удалось завоевать заметное место в практике макроэкономического регулирования либо в долгосрочных приоритетах налогово-бюджетной стратегии.

Ключевые слова: Япония, экономическая политика, социально-экономические реформы, «новый капитализм», экономическая безопасность.

Автор: Швыдко Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель группы экономики и политики Японии Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений РАН (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23).
ORCID: 0000-0002-7784-1655. E-mail: shvydko@imemo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Швыдко В.Г. Три года премьерства Кисида Фумио: «новый капитализм» и преемственность экономического курса // Японские исследования. 2025. № 2. С. 85—100. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-85-100.

V.G. Shvydko

Fumio Kishida's three years as prime minister: “New capitalism” and familiar economic policy

Abstract. The article explores practical and ideological aspects of economic policy of the Japanese government during the three-year tenure of Kishida Fumio as Prime Minister of Japan. It analyzes the theoretical concept of the “new form of capitalism,” which F. Kishida made the basis of his political image, and its connection with practical politics, noting a significant gap between the ideological characteristics of this concept and current economic policy. The emphasis on increasing the share of labor as a factor of production in the income structure, on the inclusiveness of the economic system, and on the importance of distribution relations has not been accompanied by major changes in the tax and budget policy, labor relations, and relations between government and business. The role of the driving force of socio-economic change has in fact been assigned to technological progress and the evolution of social practices. This confirms the nature of Japan's Liberal Democratic Party as a political force based on the conservative consensus and not inclined to radical steps and bold institutional transformations.

The article describes practical economic policy of Fumio Kishida's cabinets as succeeding that of the second half of the 2010s, in particular, the set of views and measures associated with the name of the then-leader of the LDP, Prime Minister Shinzō Abe (“*Abenomics*”). It is noted that continuity was characteristic of the main aspects of fiscal, monetary, and institutional policies of Kishida cabinets. Also, the effect of the pursued policy turned out to be higher than that of the predecessors.

The period of Kishida's premiership witnessed a number of new aspects in the government's economic approaches. At the same time, it is noted that, for the most part, they were nothing more than a change in priorities within the old framework or merely marks of a new ideological and conceptual formulation. Significant changes have not been seen so far in macroeconomic regulation or in the long-term priorities of the fiscal strategy of the Japanese government.

Keywords: Japan, economic policy, social and economic reforms, “new capitalism”, economic security.

Author: *Shvydko Vitaly G.*, Candidate of Sciences (Economics), Leading researcher, Head of Japan Economy and Politics Group, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation).

ORCID: 0000-0002-7784-1655. E-mail: shvydko@imemo.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Shvydko, V.G. (2025). Tri goda prem'erstva Kisida Fumio: «novyi kapitalizm» i preemstvennost' ekonomicheskogo kursa [Fumio Kishida's three years as prime minister: “New capitalism” and familiar economic policy]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 85—100. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-85-100.

«Новый капитализм» как лозунг нового лидера

Три года, с октября 2021 г. по октябрь 2024 г., крупнейшую политическую партию Японии и, соответственно, формируемое ею коалиционное правительство возглавлял опытный политик консервативного направления Кисида Фумио. Примечательно, что накануне выборов председателя Либерально-демократической партии (ЛДП) в конце сентября 2021 г., будучи претендентом на этот пост, Ф. Кисида сделал ставку на имидж реформатора, обещая в случае своего избрания не просто обеспечивать слаженную работу существующих механизмов управления, а работать над коренным преобразованием общественных отношений. Уже на этом этапе он попытался связать свое имя с лозунгом-клише «новый капитализм», демонстрируя тем самым не только аппаратные, но и идейные амбиции с прицелом на личную популярность в обществе и лидерство по отношению к активной части японского политического класса.

Пытаясь выделить себя из ряда претендентов на лидерство в своей партии и учитывая опыт предшественников, он выступил с рядом публичных заявлений, которые в европейской системе политических координат характерны скорее для деятелей левой, а не правоконсервативной ориентации. Во-первых, он настойчиво подчеркивал важность функции распределения и перераспределения экономических благ, тем самым отодвигая в сторону традиционную правую повестку с ее апологией бизнеса и эффективности частной инициативы в противовес регулятивно-распределительным функциям «социального государства».

Во-вторых, выводя на передний план вопрос о «справедливом» распределении создаваемых экономикой благ, он делал упор не столько на рыночную эффективность, сколько на инклюзивность социально-экономической системы: востребован и вознагражден в этой системе должен быть каждый, независимо от его ценности как субъекта рыночных отношений.

И, наконец, в-третьих, в его выступлениях отчетливо звучала тема моральных требований к бизнесу, который в новых условиях должен в своих действиях руководствоваться не краткосрочными, а долгосрочными соображениями, и не столько мотивами извлечения прибыли, сколько интересами реализации стратегических общественных целей.

Все эти рассуждения были кодифицированы Ф. Кисидой в форме идеи «нового капитализма», которую впоследствии, уже после своего избрания, он сделал главным лозунгом своего премьерства и возглавляемых им кабинетов министров. На этом этапе Ф. Кисида попытался придать этому лозунгу форму полноценной, тщательно проработанной концепции, чтобы ЛДП как партия и как ведущая политическая сила взяла ее на вооружение.

Уже в своей инаугурационной речи на первой для новоизбранного премьера сессии парламента он заявил о намерении не ограничиваться созданием условий для экономического роста и оздоровления финансов, а попытаться перенести на японскую почву идеи «преодоления порочных последствий неолиберальной политики», к которым он отнес имущественные разрывы, экологические проблемы и чрезмерную зависимость от транснациональных торгово-производственных цепочек, и тем самым реализовать концепцию «капитализма нового типа». В ка-

честве столпов последнего было продекларировано формирование «созидательного круга роста и распределения» и «посткоронавирусного нового общества»¹, что, впрочем, не проясняло, в какие конкретные решения и действия эти лозунги должны трансформироваться.

Несколько большую ясность, как предполагалось, должен был внести созданный новым премьером Совет по реализации «нового капитализма» (*Атарасий сихонсюги дзицугэн кайги*), для организации работы которого при кабинете министров был учрежден соответствующий постоянный секретариат (*Атарасий сихонсюги дзицугэн хомбу*)². Первый и главный документ, подготовленный в рамках деятельности совета и опубликованный в июне 2022 г.³, представлял собой своего рода политический манифест, излагавший различные аспекты видения будущего японского общества.

Однако внимательное знакомство с содержанием этого текста обнаруживает в нем скорее добросовестное изложение уже знакомых по документам предыдущих кабинетов нарративов, нежели радикальное их изменение. В качестве задач и вызовов для государства и правительства называются все те же моменты — улучшение ситуации с людскими ресурсами («накопление человеческого капитала») и стимулирование прогресса технологий и инновационного бизнеса («выращивание стартапов»). Разница лишь в том, что в новой интерпретации эти задачи, равно как и способы их реализации, «упакованы» в идею преодоления вековой дихотомии «рынок или государство», или «частный или общественный сектор», путем синтеза их составляющих по формуле «и то, и другое». То есть ответом, по словам авторов документа, должно стать сочетание и соединение рынка и государства, частного и общественного секторов. Сам же синтез был объявлен сутью «грандиозной трансформации» капитализма и перехода к новой его форме, означающей смену исторических эпох.

На самом деле, идею сочетания, синтеза общественного и частного, государства и рынка вряд ли можно назвать революционной. В той или иной форме она лежит в основе идеологии и практической деятельности всех мейнстримных политических сил на современном Западе, где главные водоразделы уже давно проходят скорее по линии «изоляция vs открытость международной конкуренции», нежели «рынок vs государство». Все наиболее острые формы реальной (а не придуманной) политической конкуренции в современных западных обществах концентрируются вокруг проблем, связанных с оценкой желательной степени открытости экономики и общества, диалектическим сочетанием национального суверенитета и наднационального регулирования. Это, в первую очередь,

¹ *Dainihyakugokai kokkai ni okeru Kishida naikaku sōridaijin shoshin hyōmei enzetsu* [Policy Speech by Prime Minister KISHIDA Fumio to the 205th Session of the Diet]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/100_kishida/statement/2021/1008shoshinhyomei.html (дата обращения: 25.12.2024).

² URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/index.html (дата обращения: 25.12.2024).

³ *Atarashii shihonshugi no gurando dezain oyobi jikkō keikaku. Hito, gijutsu, stātoappusu he no tōshi no jitsugen. Reiwa 4 nen 6 gatsu 7 nichi* [Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism ~ Investing in People, Technology, and Startups. 07.06. 2022]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022.pdf (дата обращения: 25.12. 2024).

возможность делегирования части процесса принятия решений внешним или многосторонним институтам; свобода или ограничение трансграничного движения людей и капиталов; дисбалансы товарных потоков во внешней торговле и сопутствующие риски. Есть и другие остро дебатлируемые проблемы и противоречия, но вряд ли к ним можно отнести выбор между государственным и рыночным регулированием. Разумное использование обоих этих начал сегодня не подвергается сомнению ни одной из системных политических сил.

Это же относится и к необходимости учета соображений экономической безопасности, которую данный документ преподносит как еще один важный момент «новой формы» капитализма. Независимо от степени артикулированности, соображения национальной безопасности всегда присутствовали в экономической политике правительств и учитывались ими при принятии решений в «чувствительных» областях.

Вопрос о социальной ответственности бизнеса и согласования стратегии корпоративного управления с долгосрочными социальными целями также стоит в повестке уже в течение длительного времени, а постулируемые новации, например необходимость комплексного государственно-частного партнерства и институционализированных консультаций, как отмечает, в частности, И.Л. Тимонина, не противоречат традиционной практике японского бизнеса [Тимонина 2023, с. 105].

В этом отношении включение в публичную повестку концепции «нового капитализма» и мер по ее реализации не превращает ЛДП в партию реформирования общественных основ, что наглядно показали последние три года. Более того, оно не внесло ничего существенно нового по сравнению с предшествующими двумя десятилетиями: ЛДП была и остается консервативной политической силой, стремящейся не совершать резких разворотов и новаций, способных потрясти основы японского общества и разрушить его относительную стабильность. И это в полной мере может быть отнесено и к лозунгу «грандиозной трансформации», внесенному в политическую повестку Ф. Кисида.

Пожалуй, наиболее выпукло это проявляется в нарративе о том, как формирование «нового капитализма» будет смягчать и решать социальные проблемы японского общества — имущественное неравенство, «выпадение» из общества различных категорий его членов, имеющих физические, психологические или бытовые ограничения; разрывы между процветающими и депрессивными территориями, и др. Описание будущего улучшения ситуации по этим направлениям изобилует ссылками на формулируемые в самом общем виде «меры помощи и поддержки» со стороны государства, а также на ожидаемую преобразующую силу новых технологий. В немалой степени надежды на прогресс в решении социальных проблем связываются также с ожидаемым развитием общественной культуры, облагораживанием нравов и отношений, укреплении духа солидарности и поддержки нуждающихся, и т. п.

Характерно, например, что планы сокращения имущественных разрывов связываются с прогрессом и доступностью образования, распространением различных форм профессионального обучения и переобучения, финансовой грамотности. Новые финансовые и цифровые технологии должны распространить

на широкие слои населения растущие возможности финансового инвестирования и оптимизации использования сбережений. В то же время не ведется и речи о таких исторически известных приемах радикального реформирования социальных условий, как основательный пересмотр параметров налоговой системы; масштабное увеличение размеров социальных трансфертов; резкое ужесточение норм, определяющих режим труда и его оплаты.

В целом, описание предстоящего пути к «новому капитализму» удивительным образом напоминает уже предпринимавшиеся попытки кабинетов второй половины 2010-х гг. обрисовать грядущее пришествие нового общества (в официальных документах оно именовалось «постинформационным» укладом, или «обществом 5.0») в результате прогресса технологий и инноваций благодаря добродетельной роли просвещенного государства. Разница лишь в том, что роль движущего звена в цепочке позитивных взаимодействий различных факторов и компонентов развития теперь отводится правильному распределению (*бумпай*) создаваемых капитализмом благ в результате просвещенной политики государства, бизнеса и общества в целом. При этом сама идея прогресса как результата позитивных взаимодействий («созидательного круга», по-японски — *ко:дзюнкан*) элементов экономической системы остается неизменной, равно как и набор направлений и инструментов этого прогресса.

С этой точки зрения, видение процесса формирования «нового капитализма», изложенное в документах Совета по реализации «нового капитализма», выглядит вполне естественным именно для консервативной политической силы, выступающей за осторожное, аккуратное обращение со сложившимися экономическими институтами, но никак не для силы, олицетворяющей собой радикальное реформаторство.

Экономическая политика для «нового капитализма»

Весьма интересным моментом является и содержание экономической политики, которую авторы документа предлагали для реализации провозглашенного ими «нового капитализма».

На первое место в качестве экономических инструментов реализации новой концепции было поставлено *увеличение ценности «человеческого капитала»*, которое должно происходить двояким образом. С одной стороны, это государственные и частные вложения в образование и профессиональную подготовку населения, включая такие их аспекты, как гибкое содержание и адаптивность к меняющимся требованиям.

С другой — повышение хозяйственной активности населения и доли вознаграждения труда в структуре ВВП по видам доходов, то есть вознаграждения труда как фактора производства¹. В целях выполнения этой задачи предлагается стимулировать рост зарплат наемных работников через пересмотр условий, фик-

¹ Как справедливо подчеркивает И.П. Лебедева, при всей значимости иных источников дохода, основным источником средств к существованию для абсолютного большинства японцев является работа, главным образом по найму [Лебедева 2021, с. 60].

сируемых в ежегодных трудовых договорах, а также через повышение законодательно устанавливаемых минимумов оплаты труда. Этой же цели должно служить повышение нормативов, позволяющих исключать из налогооблагаемой базы часть прироста фонда оплаты труда, а также субсидировать повышение зарплаты на убыточных предприятиях. Отдельным предметом внимания должно стать доминирующее положение крупных предприятий-заказчиков по отношению к мелким подрядчикам и субподрядчикам, заставляющее последних удерживать зарплаты своих работников на неоправданно низком уровне.

Повышение рыночной ценности трудовых ресурсов, помимо вложений в образование и обучение, должно подкрепляться устранением институциональных барьеров для роста их мобильности. Это, в частности, возможность построения индивидуальных карьер путем более частой смены работодателя, формы занятости и сферы деятельности. По всем этим направлениям возможно и необходимо содействие со стороны органов власти. Следствием также должен стать рост зарплат и иных форм доходов от труда как фактора производства.

При этом предполагается, что рост стоимости труда будет компенсироваться повышением его производительности, так что конкурентоспособность японской экономики в целом, как минимум, не пострадает, а в оптимальном случае должна заметно вырасти.

Другим инструментом реализации идеи «нового капитализма» называлось *поощрение исследований и инноваций* путем сочетания государственной поддержки и частной инициативы. В качестве необходимых действий государства, помимо непосредственной финансовой поддержки, назывались меры по абсорбции рисков венчурного бизнеса и селективной поддержке талантливой молодежи в ее обучении и предпринимательской активности.

Довольно много слов в документе было посвящено необходимости обеспечить условия для массового применения и развития *цифровых технологий*, стимулировать их эффективное и безопасное использование как в частном секторе, так и в сфере общественных услуг. «Цифровой переход» преподносился как ключ к повышению эффективности и как средство демократизации экономики, стимулирования хозяйственной активности ранее не вовлеченных в нее групп населения.

Наконец, определенное место было отведено инструментам *воздействия на мотивацию бизнеса*, ориентирования его на долгосрочные и социально значимые задачи. В документе неоднократно упоминается задача «переориентирования бизнеса с показателей объема продаж и текущей рентабельности на создание новой добавленной стоимости». Однако конкретные инструменты такой переориентации ограничиваются изменением системы отчетности и оценки деятельности компаний с исключением из нее части текущих (квартальных) показателей. Как и в остальной части документа, в разделах, посвященных этой теме, налицо разрыв между постановкой амбициозных задач, часто излагаемых на японском бюрократическом новоязе, и крайне общим и часто невнятным описанием политического и экономического инструментария, призванного обеспечить решение этих задач.

В целом, знакомство с первоначальным программным документом Совета по реализации «нового капитализма», равно как и с его актуализациями 2023 и

2024 гг.¹, оставляет впечатление, что эта концепция является более или менее удачным пи-ар ходом, позволяющим создать впечатление нового подхода к старым проблемам, не накладывая на правительство никаких жестких обязательств. Новизна, как правило, состоит в дополнительной аргументации сформулированных предшественниками тезисов и подведении их под рамочную концепцию «новой формы капитализма», которая в дальнейшем обогащается социалистическими по сути идеями отказа от прибыли как критерия успеха в бизнесе, социальной и материальной эмансипации менее конкурентоспособных на рынке индивидов и групп населения, примата стабильности и безопасности в противовес высоким темпам экономического роста и рыночной эффективности. При этом из фокуса внимания фактически выводятся параметры текущего макроэкономического регулирования, его количественные ориентиры.

Так, в программном документе 2022 г. как манифесте «нового капитализма» фактически никак не были сформулированы конкретные параметры и ориентиры для текущей практической экономической политики в ее привычном выражении. Ничего не было сказано о параметрах государственного бюджета и его финансирования, размерах государственного долга, расчетных темпах инфляции и ориентирах денежно-кредитной политики, налогового и тарифного регулирования, регулирования трансграничных инвестиций, валютного рынка, и многого другого. Соответствующий раздел в тексте названного документа («Конструкция управления экономикой и государственными финансами») ограничивается несколькими общими фразами, отмечая необходимость «поддерживать конструкцию из трех «стрел» в виде решительной монетарной политики, адаптивной фискальной политики и стратегии роста, стимулирующей частные инвестиции»². Такая фразеология однозначно ассоциируется с известными «тремя стрелами» первоначального варианта «абэномики», да и по сути является ее естественным продолжением.

Экономическая политика кабинетов Ф. Кисида как продолжение «абэномики»

На самом деле, бросающееся в глаза сходство или, точнее, преемственность ключевых точек экономической политики кабинетов Ф. Кисида и положений, провозглашавшихся правительством и ЛДП за десять лет до этого, заметно не только на уровне слоганов и общих положений³. Если судить по публикуемым

¹ *Atarashii shihonshugi no gurando dezain oyobi jikkō keikaku. Hito, gijutsu, stātoappusu he no tōshi no jitsugen. 2023 nen kaiteihan* [Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism. 2023 Revised version]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2023.pdf (дата обращения 25.12.2024) ; *Atarashii shihonshugi no gurando dezain oyobi jikkō keikaku. Hito, gijutsu, stātoappusu he no tōshi no jitsugen. 2024 nen kaiteihan kaiteihan* [Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism. 2024 Revised version]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2024.pdf (дата обращения 25.12. 2024).

² *Atarashii shihonshugi no gurando dezain oyobi jikkō keikaku*. С. 35.

³ На это обстоятельство, как обоснованно отмечает Е.А. Горячева, с самого начала указывали в японской экспертной среде [Горячева 2023, с. 15].

обзорам — как правительственным, так и внешним, в том числе международных экономических организаций¹ — направления и формы деятельности японского правительства в социально-экономической сфере в последние три года сохранили все основные моменты, характерные для предшествующего десятилетия. Как и в 2013—2020 гг., когда во главе правящей партии и правительства стоял С. Абэ, имя которого стало символом политического курса Японии того периода, в основе правительственной политики 2021—2024 гг. лежало использование нескольких многократно испытанных рычагов экономической политики.

Во-первых, это *активное маневрирование бюджетными расходами* (а точнее, их дополнительной частью, не обусловленной неотменяемыми фиксированными государственными обязательствами) для стимулирования внутреннего спроса, главным образом потребительского, и для смягчения экономических последствий неблагоприятных внешних воздействий — ценовых и административно-регулятивных, например скачков цен на сырье и энергию, протекционистских и политических ограничений на экспорт и импорт, санкций против отдельных субъектов, и др. Несмотря на дефицит госбюджета, регулярно принимаемые пакеты стимулирующих мер, требующих дополнительных бюджетных расходов, стали неизменной частью политического пейзажа и, одновременно, поводом для пиар-активности правительства, включая весь период премьерства Ф. Кисида.

Во-вторых, это стабильно выдерживаемая *мягкая денежная политика*, направленная на удешевление кредита и смягчение долговой нагрузки корпораций и государства. Последнее особенно актуально в связи с очень крупным по меркам развитых стран государственным долгом Японии, параметры обслуживания которого, в частности условия размещения новых займов, зависят от текущего уровня процентных ставок. Несмотря на то, что в 2024 г. произошла некоторая коррекция ставок, контролируемых центральным банком страны, в сторону повышения, их новый уровень оставался очень низким по сравнению с соответствующими индикаторами в США и странах еврозоны, не говоря уже о развивающихся странах. Активные разговоры о неизбежном и желательном ужесточении денежно-кредитной политики на протяжении всего периода премьерства Ф. Кисида оставались не более чем интеллектуальной спекуляцией экспертов, практически никак не воплощаясь в реальность.

В-третьих, это стремление закрепить небольшой, но устойчивый *рост внутренних цен* («преодоление дефляции», по-японски *дэфурэ даккяку*), в том числе за счет положительной динамики импортных цен и через поощрение повышения оплаты труда в стране. Это стремление вполне последовательно выдерживалось на протяжении всего периода пребывания Ф. Кисида на посту премьер-министра.

В-четвертых, это использование *относительно низкого* (в сравнении с уровнями десяти- или пятнадцатилетней давности) *курса иены* для стимулирования

¹ См., например, Japan. In: OECD Economic Outlook, Volume 2024 Issue 2. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook-volume-2024-issue-2_d8814e8b-en/full-report/japan_0a2908f4.html#indicator-d1e7466-b07c47d29f (дата обращения: 25.12. 2024); Japan. In: OECD Economic Outlook, Volume 2024 Issue 1. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2024/issue-1_69a0c310-en#page145Japan (дата обращения: 25.12. 2024).

экспорта товаров и услуг. Интересы экспортеров, выигрывающих от дешевой иены, остаются для правительства более приоритетными, нежели интересы импортеров, заинтересованных в сравнительно дорогой национальной валюте.

Наконец, в-пятых, это поощрение *оптимизации транснациональных торгово-производственных цепочек* в интересах повышения конкурентоспособности японских крупных корпораций. При этом критерием является не только величина издержек, но и устойчивость конфигурации перед лицом политических и технологических шоков. Несмотря на то, что построение таких цепочек является прерогативой самих компаний, правительственные рекомендации, как правило, воспринимаются ими достаточно серьезно.

Все названные моменты сохраняли свою актуальность в деятельности японских кабинетов периода «после Абэ». Несмотря на драмы, бушевавшие в публичной политике на фоне эпидемии коронавируса и борьбы с ее последствиями, а также регулярных скандалов в связи с обвинениями тех или иных публичных фигур в нарушении юридических и поведенческих норм, все названные принципиальные положения экономической политики сохранялись в качестве приоритетных.

Более того, судя по статистике, именно в последние годы эти меры оказались даже более адекватными существующим условиям. Во всяком случае, эффект в виде нормализации условий для экономического роста был более ощутимым, чем в период «абэномики», о чем свидетельствует сопоставление динамики некоторых компонентов совокупного спроса в последние «доковидные» годы и в «период Кисида» (табл. 1).

Таблица 1. Динамика отдельных компонентов ВВП в 2018—2023 гг. (прирост к предшествующему году, в постоянных ценах, %)

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Частное потребление	0,2	-0,6	-4,4	0,7	2,1	0,8
Частные инвестиции в оборудование	2,3	-0,7	-5,1	1,7	2,6	1,5
Частные инвестиции в жилищное строительство	-6,4	4,5	-7,6	-0,3	-2,7	1,5

Источник: Статистика национальных счетов правительственного Института экономических и социальных исследований (ESRI). URL: https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/kakuhou/files/2023/2023_kaku_top.html (дата обращения: 25.12. 2024).

Действительно, частное потребление преодолело последствия пандемии, относительно стабилизировалось, а в 2024 г., судя по имеющимся показателям за первые три квартала, росло достаточно энергично. Положительную динамику показали и производственные инвестиции, что подкреплялось еще более заметным ростом операционной прибыли корпораций и их рентабельности.

Динамика потребительских цен после 2022 г. в сравнении с показателями соответствующего месяца предшествующего года постоянно была положительной, временами демонстрируя рост на беспрецедентные для последних десятилетий 3—4 %; вероятность возвращения дефляции сегодня рассматривается как малая.

Ощутимое оживление экономической активности на фоне заметного снижения средних значений курса иены способствовало притоку капитала из-за рубежа для финансовых инвестиций в японские активы, что породило длительное «ралли» фондовых индексов, достигших уровней периода «фондового пузыря» конца 1980-х — начала 1990-х гг.

Все это, конечно, не означает окончание периода долгосрочной стагнации: об устойчивом росте экономики темпами 2—3 % в год, что провозглашалось едва ли не главной задачей десять лет тому назад, говорить рано, если вообще возможно. Еще более нереалистично сегодня говорить о решении в обозримой перспективе задачи оздоровления японских государственных финансов, во всяком случае, в традиционном ее понимании. Тем не менее, более узкие задачи, которые ставила перед собой «абэномика», а именно: уход от дефляции, дешевый кредит, более дешевая иена, более оптимистичные ожидания потребителей и бизнеса, оказались в значительной степени реализованными.

При сохранении преемственности — новые моменты

И все же, при всей преемственности макроэкономической и фискальной политики кабинетов 2022—2024 гг. по отношению к предшественникам, можно отметить некоторые новые акценты, которые отличают три года премьерства Ф. Кисида от «эпохи Абэ» и «абэномики».

Прежде всего, это *смена идеологической парадигмы*, объединяющей разрозненные меры текущей политики в единое целое. В 2010-е гг. таковой служила идея конкурентоспособности Японии в условиях глобализации. Предполагалось, что в условиях либерализации международной торговли и инвестиций обладание страной значительными интеллектуальными, управленческими и дешевыми финансовыми ресурсами обеспечит японским компаниям высокую международную конкурентоспособность. Это, в свою очередь, позволит стране занять одно из самых высоких мест в международном табеле национальной конкурентоспособности в условиях глобализации, подразумевающей дальнейшее снятие барьеров для трансграничной миграции факторов производства. Считалось, что даже в максимально либерализованной мировой экономике организационно-технический и интеллектуальный потенциал крупных японских корпораций позволяет им рассчитывать на успехи в глобальной конкурентной борьбе, стабильный рост и экспансию на новых рынках. Потеря же японской экономикой динамизма и, как следствие, снижение ее международного веса в 1990-е и 2000-е гг. рассматривались как досадное, но временное явление, которое должно смениться «нормализацией» в виде возвращения Японии в ряды мировых лидеров¹.

В период 2022—2024 гг., который теперь условно можно назвать «периодом Кисида», тезис о национальной конкурентоспособности в условиях глобализации практически исчез из официальных программных документов. Его невоз-

¹ Характерно, что подзаголовком первого (и главного) стратегического документа «эпохи Абэ» — «Стратегия ревитализации Японии» — была фраза *Japan is Back* («Япония возвращается»).

можно обнаружить ни в фундаментальной «Комплексной экономической политике для полного преодоления дефляции», принятой в ноябре 2023 г.¹, ни в ежегодных докладах кабинета министров о состоянии экономики и государственных финансов² в течение всего «периода Кисида»³. В официальных правительственных обзорах состояния и перспектив мировой экономики вместо обширных пассажей о продвижении экономической глобализации можно было увидеть констатацию застоя международной торговли и снижения ее пропорции к ВВП после кризиса 2008—2009 гг., в особенности после 2018 г., а также растущего стремления к локализации производственных цепочек как в Восточной Азии, так и в других регионах мира⁴. Естественно, что в этих условиях для правительственной экономической политики нужна была другая идеологическая и концептуальная рамка.

Если в долгосрочном или, если можно так выразиться, общефилософском плане такой рамкой мог служить «новый капитализм», то на более приземленном уровне в качестве таковой был выбран лозунг защиты и безопасности — защиты населения и бизнеса от привносимых шоков и обеспечения экономической безопасности. В качестве обобщающей задачи в правительственные документы прочно вошел нарратив нарастающих угроз и вызовов — частью имеющих внутреннюю природу, как например неблагоприятная демографическая ситуация, но большей частью экзогенных по отношению к японской экономике и обществу. В числе последних выделяются, в частности, политические кризисы и нарастание атмосферы конфронтации на глобальном и региональных уровнях, ценовые шоки на мировых рынках и дезорганизация международных технологических цепочек — как реальных, так и потенциальных. Как было сказано в предваряющей части «Ежегодного доклада...» 2024 г., «экономика страны сталкивается с многообразными встречными ветрами, включая труднопредсказуемые внешние шоки, и нельзя не отметить слабость ее способности к восстановлению»⁵.

¹ *Defure kanzen dakkyaku no tame ni sōgō keizai taisaku ~ Nihon Keizai no aratana suteji ni mukete* [Comprehensive Economic Measures to Fully Overcome Deflation ~ To the New Stage of the Japanese Economy]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/suisinkaigi/joukyou_dai3/joukyou_dai3/pdf/siryou9.pdf (дата обращения 25.12. 2024).

² Эти доклады заменили собой издававшиеся ранее ежегодные «Белые книги по экономике».

³ *Reiwa 6 nendo no nenji Keizai zaisei hōkoku. Netsuryō afureru no aratana suteji he* [FY 2024 Annual Report on the State of Economy and Public Finance. To a New Stage with Great Energy]. https://www5.cao.go.jp/j-j/wp/wp-je24/index_pdf.html; *Reiwa 5 nendo no nenji keizai zaisei hōkoku. Ugokihajimeta bukka to chingin* [FY 2023 Annual Report on the State of Economy and Public Finance. Prices and Wages Start Moving]. <https://www5.cao.go.jp/j-j/wp/wp-je23/index.html> (дата обращения 25.12. 2024); *Reiwa 4 nendo no nenji keizai zaisei hōkoku. Hito he no tōshi wo gendōryoku to suru seichō to bumpai no kōjūkan jitsugen he* [FY 2024 Annual Report on the State of Economy and Public Finance. To a Virtuous Circle of Growth and Distribution Based on Investment in People]. URL: <https://www5.cao.go.jp/j-j/wp/wp-je22/index.html> (дата обращения 25.12. 2024).

⁴ *Sekai keizai no chōryū 2023-II. Chūgoku no baransushito no chōsei, sekaitekina sabisu bōeki no hatten* [Trends in the World Economy. Moderating China's Balance Sheet, Growth of International Trade]. Pp. 103—105. URL: https://www5.cao.go.jp/j-j/sekai_chouryuu/sa23-02/sa23.html (дата обращения 25.12. 2024).

⁵ *Reiwa 6 nendo no nenji keizai zaisei hōkoku*. P. 5.

Соответственно, меры экономической политики, предлагаемые либо реализуемые правительством, подаются им именно как ответ на внешние шоки и защита от них наиболее уязвимых сегментов населения и бизнеса. Именно этим мотивируется необходимость субсидирования цен и/или потребления моторного топлива и топочного мазута, а также прямых денежных выплат некоторым категориям мелких предпринимателей и домохозяйств, оказавшихся в сложном положении из-за антиковидных мер и удорожания импорта энергоносителей. В этом же ключе трактуется и поддержка «зеленого» и цифрового переходов — как решение задачи обретения внутренней экономической стабильности и независимости от внешних факторов. С темой экономической и национальной безопасности увязывается и политика стимулирования внутренних инвестиций, сопровождаемая в документах отсылкой к широкому кругу вопросов безопасности — от локализации цепочек добавленной стоимости до информационной и кибербезопасности. Фоном для аргументации мер, снижающих зависимость от действий внешних по отношению к японской экономике акторов, становится нарратив нарастания в окружающем мире протекционистских и политически мотивированных ограничительных мер — санкций, экспортного контроля, торговых тарифов, регулирования иностранных инвестиций, и др., что, по умолчанию, резко увеличивает риски для экономики и благосостояния Японии.

Другим новым моментом, внесенным в японскую экономическую политику в «период Кисида», можно назвать *повышенное внимание к состоянию трудовых ресурсов*. Похоже, что сотрудничающим с ЛДП экспертам удалось убедить партийное руководство в том, что рост экономики в сегодняшней Японии сдерживает не столько дефицит инновационных технологий, сколько ограниченность человеческого ресурса. Соответственно, при всей важности содействия НИОКР, венчурному бизнесу, стартапам и т. п., более весомую часть бюджетной поддержки следует направить на оптимизацию рынка трудовых ресурсов.

В результате, и в теории, и на практике меры по облегчению выхода на рынок труда категорий населения, обремененных необходимостью ухода за детьми и престарелыми; нуждающихся в переобучении и переквалификации; имеющих ограничения по формам и способам занятости, и др., получили больший приоритет и в плане финансирования, и в плане реформирования институциональной среды. Последнее включало в себя повышение гибкости юридических форм найма, институционализацию стихийно возникших новых форм, например удаленной работы, а также уменьшение фактических препятствий для межфирменной мобильности занятых. Без лишней рекламы были также внесены изменения в законы, регулирующие привлечение некоторых категорий иностранной рабочей силы — в направлении облегчения режима их использования.

Еще один элемент новизны — это перенос акцента в экономической политике на *меры по поддержке доходов* в противовес мерам по стимулированию потребления. Ранее считалось, что в цепочке позитивных взаимодействий «потребление → цены → производство → доходы → потребление» именно потребление, то есть потребительские расходы, и есть то удобное для правительства звено, воздействием на которое можно запустить действие этой цепочки стимулирующих причинно-следственных связей. Теперь, в «период Кисида», было решено, что

большого результата можно добиться, если сосредоточить внимание на росте доходов. Тем более что это идеально согласовывалось с описанной в первой части идеей «нового капитализма», которая выдвигала на первый план распределительные отношения и задачу повышения доли труда в совокупных доходах факторов производства.

В результате темпы роста зарплат, результаты ежегодных кампаний по перезаключению коллективных трудовых договоров на очередной финансовый год (*сюнто*), повышение законодательно устанавливаемых минимумов оплаты труда и устранение в ней дискриминации по половозрастному признаку помещались в фокус публичной активности правительства. Несмотря на отсутствие кардинальных сдвигов в названных областях, правительство неизменно отмечало свою роль в увеличении доходов наемных работников в форме повышения зарплат государственных служащих, давления на предпринимательские объединения, а также на местные органы власти, отвечающие за регулирование норм минимальной оплаты труда.

В это же время в оборот был введен термин «структурное повышение заработной платы» (*ко:до:тэки тингаэ*) — рост оплаты труда и его доли в добавленной стоимости путем повышения удельного веса более сложных, квалифицированных и высокооплачиваемых его видов. Последнее, видимо, должно достигаться за счет повышения квалификации уже занятых и новых работников, а также изменений в структуре рабочей силы и высвобождения наименее оплачиваемой ее части.

Наконец, еще один относительно новый элемент, характерный для «периода Кисида» — это нарратив *особой значимости оживления внутренних инвестиций*. Принципиальной новизны в этом нарративе, естественно, нет: это не более чем изменившаяся расстановка акцентов. Тем более что каких-либо новых масштабных схем и механизмов такого стимулирования предложено не было. Речь идет, скорее, об относительно небольших изменениях в налоговом режиме, обсуждение которых было запланировано на 2024 фин. год, а также о продолжении поддержки исследований и инноваций за счет государственных и общественных фондов.

Однако сам факт повышения приоритетности этого направления в деятельности правительства — пока хотя бы на вербальном и доктринальном уровнях — является примечательным. Дело в том, что в длящейся более десяти лет дискуссии о причинах долгосрочной стагнации японской экономики в последние годы все больше подчеркивается роль длительного снижения внутренней инвестиционной активности¹. По ряду причин, от неопределенной ситуации с тенденция-

¹ Коэффициент инвестиций предприятий японского частного сектора в материальные активы (то есть объем инвестиций в пропорции к стоимости соответствующих активов) почти два десятилетия после 2000 г. был меньше нормы их амортизации [Ishikawa 2023].

Следует заметить, что нормы амортизации являются бухгалтерским понятием, не обязательно коррелирующим с динамикой оценочной стоимости материальных активов, периодически подвергающихся переоценке. Однако и статистика оценочной стоимости производственного оборудования в частном секторе (соответствующие ряды данных в постоянных ценах рассчитываются в рамках системы национальных счетов) демонстрирует крайне вялую динамику

ми внутреннего спроса до возросших сложностей с прогнозированием издержек, японские производственные компании в своих стратегиях развития уделяли больше внимания зарубежной активности и зарубежным инвестициям, прежде всего в США, странах ЕС, КНР и других развивающихся экономиках АТР. Помимо сдерживающего воздействия на внутреннюю хозяйственную активность, в начале 2020-х гг. это обернулось дополнительными рисками из-за возросшей уязвимости торгово-производственных цепочек, в которых участвовали КНР, Тайвань и ряд других политически чувствительных локаций. Соответственно, росло понимание того, что добиться устойчивого роста в среднесрочной перспективе невозможно без целенаправленного стимулирования внутренних инвестиций, что нашло отражение и в правительственных документах. Упомянутый выше «Ежегодный доклад...» 2022 г. признает факт перекаса инвестиционной активности японских компаний в сторону внешних юрисдикций — активное учреждение ими подконтрольных зарубежных юридических лиц, покупку за рубежом местных компаний и вложение в них своих ресурсов — в ущерб вложениям капитала внутри Японии, и ставит задачу добиться перелома этой ситуации¹. Впрочем, перерастание этого понимания в эффективную практическую политику требует значительного времени, которого кабинетам Ф. Кисида, видимо, не хватило. Не исключено, однако, что стимулирование внутренней инвестиционной активности станет центральным моментом в экономической политике последующих кабинетов.

Библиографический список

Горячева Е. А. «Новый капитализм» Фумио Кисида и его значение для современной политико-экономической ситуации Японии // *Россия и АТР*. 2023. № 2. С. 11—27.

Лебедева И. П. Жизнь японцев в зеркале статистики и социологических опросов // *Япония*. Ежегодник 2021. Том 52. М.: Наука — Восточная литература, 2021. С. 37—64.

Тимонина И. Л. Проблемы реформирования корпоративного управления в контексте новой стратегии социально-экономического развития Японии // *Японские исследования*. 2023. № 2. С. 105—128.

References

Goryacheva, E. A. (2023). «Novyi kapitalizm» Fumio Kisida i ego znachenie dlya sovremennoi politiko-ekonomicheskoi situatsii Yaponii [“New Capitalism” Economic Development Plan by Fumio Kishida and Its Significance for the Modern Political and

этого показателя в последние десятилетия, что подтверждает тезис о дефиците внутренних частных инвестиций в производственные активы. URL: https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/kotei/files/tables/2015/stock24q3_rn_jp.xlsx (дата обращения 25.12. 2024).

¹ *Reiwa 4 nendo no nenji keizai zaisei hōkoku*. Ch. 3. §1-1

Economic Situation in Japan]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific], 2, 11—27. (In Russian).

Lebedeva, I. P. (2021). Zhizn' yaponsev v zerkale statistiki i sotsiologicheskikh oprosov [The Life of the Japanese in the Mirror of Statistics and Public Opinion Polls]. *Yezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 52, 37—64. (In Russian).

Timonina, I. L. (2023). Problemy reformirovaniya korporativnogo upravleniya v kontekste novoi strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Yaponii [The Problems of Reforming the Entrepreneurial Structure and Business Competitiveness in the Modern Strategy of Socio-Economic Development of Japan]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2, 105—128. (In Russian).

* * *

Ishikawa, T. (2023). The decline in capital formation in Japan. *CEPR VoxEU columns*. October 4. Retrieved from <https://cepr.org/voxeu/columns/decline-capital-formation-japan>

Поступила в редакцию: 04.02.2025

Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 04 February 2025

Accepted: 23 April 2025